

Ясная Поляна: музей в дебрях рынка

Разговор о Толстом в декорациях «Вишневого сада»

ФИРС. Способ тогда знали...
РАНЕВСКАЯ. А где же теперь этот способ?
ФИРС. Забыли. Никто не помнит.

Был март. И в Малом зале ЦДЛ люди собрались поговорить о судьбе Ясной Поляны сегодня. Из рода Толстых — Илья Владимирович, Олег Владимирович и Владимир Ильич. Были директора толстовских музеев: яснополянского — А. И. Тяпкин и московского — Л. М. Любимова. Были литературоведы (среди выступавших — Ст. Лесневский, Э. Бабаев, С. Розанова, В. Лакшин, В. Лазарев), музейные работники и — из Министерства культуры России — Т. А. Куликова. Разговор получился долгий и коснулся не только Ясной Поляны.

Ничто не напоминало «май... вишневые деревья... утренник». Но образы чеховского «Вишневого сада» почему-то упорно шли на память. И реплика Лопухина «Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь...», сказанная в 1903 году, отзывалась в разговоре о судьбе Ясной Поляны в 1992-м.

И. А. Трухачева, сотрудник яснополянского музея. Пять лет назад мы спорили об овраге, прилегающем к Ясной Поляне: что важнее — сохранить ландшафт или здесь же, поблизости, построить музейный центр? И что же сегодня? Обе стороны в дураках. А овраг этот, говорят, приватизировал дом отдыха и собирается там строить. Слухи? Неудачная шутка? Но... Застройка скрестной Ясной Поляны идет полным ходом. В двух шагах от заповедной зоны — в Телятниках — дачный поселок. Под Грумантом — дачный поселок. Раньше, чтобы хозяйственная дорога не шла через Грумант, поперек ее специально был вырыт экскаватором ров. Сейчас он засыпан. И, похоже, новой дорогой пользуются для вывозки леса, яснополянского леса. Понятно, что он требует обновления. Но ведь не рубят только — посадки. Профессор Семенов после войны великолепно обновлял лес. Сегодня же это мертвое царство. Даже птиц нет. Что птиц! Нет подростка. Зато есть несколько участков сплошной вырубки, в том числе в заповедной роще. С дороги поглядишь — роща, а заходишь вглубь — пустота просеки. Нам говорят: было решение меморативной комиссии. Но почему сотрудники музея узнают о таких решениях постфактум? Почему документацию не показывают коллективу?

Впрочем, когда документация вроде в порядке, от этого часто не легче.

Особенно когда речь идет об охраняемых зонах.

Л. М. Любимова. Возле музея Толстого в Хамовниках в пределах охранной зоны музея медицинская академия строит то ли столовую, то ли «Гамбургер»... Оказывается, архитектор района дал разрешение. И государственное управление по охране (!) памятников — тоже.

Собственно, жизнь музеев, и Ясной Поляны в частности, никогда медом не казалась. Да и какой там мед, когда липа благоухает азотом местного производства и не то что пчел — цветов не сыщешь. Но все-таки всегда, во всех бюрократических баталиях, шедших с переменным успехом, опорой музейщикам было государство, закон (другое дело, не такой прочной, как хотелось бы). Много надежд возлагалось на готовящийся закон «О музейной деятельности и музейных организациях...»

Дождались проекта. И услышали бодрое: «Одним словом, поздравляю, вы спасены. Местоположение чудесное, река глубокая. Только, конечно, нужно поубрать, почистить... например, скажем, снести все старые постройки, вот этот дом, который уже никуда не годится, вырубить старый вишневый сад».

Государство, похоже, готовится выступить в роли Лопухина. Соответственно и поле деятельности у него шире. «Вся Россия наш сад». А музей что же... На сад он тем похож, что выращивается так же. Десятилетиями. Незаметно. Требуя не слов — дел. И любви, конечно.

Л. М. Любимова. Наш московский музей существует с 1911 года. У истоков его стояли Софья Андреевна, дети Тол-

стого. И вот теперь по новому закону мы должны еще получить сертификат на право называться музеем. Оказывается, для этого 80 лет работы недостаточно. Но дело не только в бестактной постановке вопроса. Сертификат мы получим, только если найдем учредителя (причем Министерство культуры на эту честь не претендует). Если же учредитель не найдется, то коллектив музея может быть расформирован, фонды — проданы или переданы на временное хранение. Вы понимаете, что это значит?

Еще бы! «Отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны». Теперь, когда рвется последняя струна, музею предлагается стать чем-то вроде малого предприятия (в целях выживания, видимо, будет неплохо открыть теплицы для поставки овощей в столовую или — еще лучше — сдать помещение под офис ОП).

«Если ничего не придумаем и ни к чему не придем, то... и вишневый сад, и все имение будут продавать с аукциона». Правда, есть еще надежда: «Ярославская тетюшка обещала прислать, а когда и сколько придет, неизвестно...».

И. В. Толстой. Может быть, стоит поднять вопрос об отчислении определенного процента с дохода издательства, выпускающих произведения Толстого? Кстати, такие отчисления легли в основу фонда Толстого в Америке в 30-е годы. Толстовский фонд мог бы быть создан и у нас в стране.

А. И. Тяпкин. Деньги на оплату труда сотрудников государство пока дает. Но нужны еще средства хотя бы на охрану.

Конечно, мы учимся зарабатывать деньги. Но тяжело очень. Посещаемости почти нет. За прошлый год в Ясной Поляне побывало всего 50 тысяч человек. Да и то сказать, экскурсионная поездка из Москвы к нам сейчас стоит 3800 рублей. Кто может поехать за такие деньги?

Раньше нам помогали крупные заводы... Пришел недавно к директору одного такого завода — он разводит руками: тысячу человек отправил в отпуск без оплаты, закрываются даже новые цехи, которые специализировались на видео.

Издание буклетов, путеводителей убыточно. Приокское книжное издательство на грани краха.

Л. М. Любимова. На реставрацию, ремонт деньги давали. И какое-то время мы продержимся...

Касаясь изданий Толстого, я даже не о деньгах скажу. Как правило, издательства, выпускавшие книги Толстого, передавали в библиотеку музея экземпляр нового издания. Теперь издательств столько, что о новых их книгах мы часто и не знаем. Приятное исключение — издательство «Терра». Оно переиздает полное собрание сочинений Толстого, этот репринт будет продаваться за доллары. Издательство передало музею не только книги, но и 50 тысяч на развитие музея. Это единственный пример такого рода. В основном же в музей идут не бизнесмены, а школьники. Их тоже меньше, чем хотелось бы.

С. Розанова. На проценты с изданий Толстого нельзя полагаться просто потому, что Толстой сейчас почти не издается. В «Художественной литературе» посчитали и выяснили, что выпуск «Войны и мира» будет таким дорогим, что не найдет покупателя. Франция и Германия, например, субсидируют у нас издание своих авторов. Кто будет субсидировать русскую классику? Только общественный фонд?

В. Лакшин. Честно говоря, при слове «фонд» я вздрагиваю. Уже есть четыре

фонда Чехова, которые выясняют отношения друг с другом. Может, толстовский фонд и будет эффективным... Трудно сказать.

Сейчас время такое, что выгоднее всего продавать чистую белую бумагу. Без следов мыслительной деятельности человека. Судя по «Книжному обозрению», в первой половине 1990-го не издано ни одного произведения Чехова и Толстого. «Анна Каренина», конечно, еще будет бестселлером. Но пока ситуация такова, что надо пробовать все, чтобы найти деньги. Искать спонсоров. Требовать дотации правительства. Ясная Поляна — уникальный памятник мировой культуры, на уровне тех, что охраняются ЮНЕСКО. Организующую роль мог бы сыграть попечительский совет. Но он имеет смысл только при деятельном участии в нем Толстых.

В. Лазарев. В попечительский совет должны войти, безусловно, Толстые, деятели культуры, и среди них обязательно специалисты высокого класса с конкретными программами спасения Ясной Поляны, толстовских мест. Получение Ясной Поляны статуса национального парка со всеми вытекающими последствиями — дотациями государства, «охранной

граммой» и т. д. — могло бы помочь делу. Сейчас рассчитывать на чудо не приходится. Главное — сберечь то, что еще осталось.

О. В. Толстой. Зарабатывать деньги — это хорошо. Но вот сейчас в Ясной Поляне бухгалтерия собирается «разделяться». Хозяйственная часть (56 человек) плюс администрация будут иметь свои счета. Научная часть (49 человек) — свои. В каком положении окажутся люди, благодаря труду которых выходят исследования жизни, творчества Толстого, переписка его и родственников?

В положении Фирса. Старого, верного, всеми забытого Фирса. На котором держится не просто Дом — традиция, преемственность.

Но и Лопухину не позавидуешь: «Идет новый помещик, владелец вишневого сада!» Но, вырубив сад, нельзя оставаться его владельцем. Вырубить собственное прошлое, где тебя таскали непочтительно за ухо, — не значит обрести новое прошлое. Это значит — остаться без прошлого. И только.

Жанна ВАСИЛЬЕВА